

УДК 282(571.1)(091)

К вопросу о пребывании политических ссыльных представителей католического духовенства в Западной Сибири (30–50-е гг. XIX в.)

И. Н. Никулина

*Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, г. Барнаул*

В статье рассмотрены вопросы пребывания в Западной Сибири ссыльных католических священнослужителей, которые, сумев сохранить приверженность своему исповеданию, занимались просветительской деятельностью, некоторые продолжили борьбу с самодержавием.

Ключевые слова: Западная Сибирь, политические ссыльные, духовенство, католические священнослужители.

Польская ссылка в Западную Сибирь в 1830–1850-х гг. являлась составной частью истории политического изгнания деятелей освободительного движения в России. Используя ссылку в качестве одной из наиболее распространенных репрессивных мер против участников национально-освободительного движения в Царстве Польском, российское самодержавие, как известно, стремилось удалить на окраины страны лиц, представляющих реальную угрозу для существовавшей системы управления польскими землями в составе Российской Империи. Вслед за ссылкой в Сибирь декабристов началось применение этой меры наказания к участникам польского восстания 1830–1831 гг., среди которых были представители католического духовенства, активно содействующие освободительному движению, а затем и ко многим неблагонадежным в политическом отношении ксендзам, пребывание которых в Сибири и станет предметом нашего рассмотрения.

Неслучайно в 1834 г. министром внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий генерал-губернатору Западной Сибири было предложено «учреждение в одной из губерний дома смирения для преступных римско-католических духовных». В связи с этим в Главное управление Западной Сибири поступили мнения Тобольского общего губернского управления: «...в Тобольской губернии римско-католических церквей не имеется и потому учреждение здесь дома смирения для преступных римско-католических духовных ... неудобно ...» и Томского общего губернского управления «...учреждение дома смирения для преступных римско-католических духовных... предполагается с тем намерением, чтобы им духовным присечь всякую возможность иметь сношения с людьми подозри-

тельными и чрез их распространять превратные толки и вредные внушения между народом... Для этой цели необходимо совершенное удаление тех преступных духовных лиц в места малолюдные, где наименее находится людей, могущих преклоняться их вредным внушениям; или же необходим строжайший за теми людьми надзор. Но Томская губерния представляет важные затруднения: во-первых, по неимению в городах губернии казенных зданий для помещения преступных католических духовных; во-вторых, по множеству находящихся здесь ссыльных из всех российских губерний, между коими встречается большое число бывших жителей литовских губерний и от Польши присоединенных; в-третьих, по значительному числу находящихся поляков, которые за участие в бывших возмущениях в Царстве Польском и сопредельных оному губерниях сосланы или на поселение в Томскую губернию, или определены в Сибирский линейный батальон и некоторые инвалидные команды...» [1]. Далее отмечалось, что неудобны для этого «малолюдные города Томской губернии: Бийск, Каинск и Колывань, похожие более на селения... Губернский город Томск и горный город Барнаул по устройству своему и по числу жителей могут называться довольно значительными городами и составляют средоточие Управлений губернского и горнозаводского; на устройство в сих городах дома для смирения преступных римско-католических духовных было бы несообразно с видами правительства, которое признало нужным упомянутые лица удалять от многолюдства и заключать в монастыри... А сверх того, на основании коренных узаконений и Высочайших повелений, весь округ Колывано-Воскресенских заводов освобожден не только от постоянного, но и даже временного пребывания всех людей, ссылаемых из внутренних российских губерний на поселение или под полицейский надзор... Таким образом, в Томской губернии представляются видимые неудобства к учреждению дома для смирения преступных римско-католических духовных...» [2].

В соответствии с этими мнениями из Главного управления Западной Сибири было сообщено министру внутренних дел 30 марта 1835 г. о неудобстве «учредить в каком-либо из губернских городов Западной Сибири дома смирения для преступников римско-католических духовных» [3]. Между тем из Министерства внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий указывалось генерал-губернатору Западной Сибири на то, что «римско-католических духовных, избличенных в преступных связях и сношениях с мятежниками, и о коих последуют приговоры о заключении их навсегда или на время для исправления в монашеские обители до учреждения особого дома смирения, не отправляя в монастыри, высылать в Сибирские или другие отдаленные от границы Северные губернии на том основании, как отправляются туда люди подозрительные под строгий полицейский надзор» [4].

Среди ссыльных по делу о восстании 1830–1831 гг. был ксендз Ян Сероцинский (Сероциньский, Сироцинский) (1798–1837), с именем которого связано «омское дело» – предполагаемое массовое вооруженное антиправительственное выступление с участием солдат и офицеров, высланных из Царства Польского, а также русских солдат, ссыльных, арестантов и т. д.

Личность Я. Сероцинского достаточно полно освещена в работах российских и польских исследователей [5]. Б. Пилсудский называл его «одним из наиболее известных сибирских католических священников» [6]. Отметим, что Я. Сероцинский, будучи приором Овручского базилианского монастыря при захвате его 17 мая 1831 г. повстанческим отрядом В. Головинского, приветствовал и воодушевлял восставших. Согласно Высочайшей конфирмации от 29.01.1832 г., утвержденной 11.02.1832 г., он был отдан в солдаты специального Сибирского корпуса с лишением сана и прав состояния, выслан пешим этапом в Тобольск в ноябре того же года, однако затем был направлен в казачье войско г. Омска. «В продолжение нескольких лет он преследовал киргизов в степях верхом, в казацкой одежде, с саблей и пикой», с открытием в Омске казачьего военного училища Сероцинскому было поручено преподавание физики, географии и французского языка. Следует отметить, что нехватка грамотных людей вынуждала местные власти использовать отданных в солдаты образованных ссыльных для обучения детей, не соблюдая предписаний. Примером тому был Я. Сероцинский, о чем свидетельствует его дневник, отобранный позднее при обыске. Он стал обучать французскому и польскому языкам детей местной знати, бывал у директора училища полковника Льва Черкасова. Получив определенную свободу действий, Сероцинский установил связи с польскими солдатами, посещал казармы. Известно, что он переписывался с Ф. Ордынским, товарищем по Виленскому университету, сосланным по делу Общества военных друзей в Белостоке, отбывавшим ссылку в Семипалатинске, до этого находившимся в Усть-Каменогорске. Интересно, что, будучи в Омске, Сероцинский вел дневник с 22.11.1832 г. до 25.04.1833 г., в котором описывал подробности своего пребывания, упоминал людей, с которыми общался, иногда делал выписки из текстов писем [7].

Характеризуя Сероцинского, Герцен писал: «...физически слабый и нервный, но с необыкновенно предприимчивым и смелым умом, он вздумал устроить по всей Сибири огромный заговор... Каждый знающий Сибирь согласится, что в ней собраны все необходимые начала революции. В Сибири все недовольны, в разных степенях и от разных причин, даже часто противоположных... Его план состоял в том, чтобы завладеть крепостями и главными местами с помощью согласных с ним военных и освобожденных ссыльных (большею частью из бывших солдат) и ждать, что будет...» [8].

Исследователь А. С. Нагаев, тщательно изучивший военно-судные дела следствия, отмечает, что «действия Сероцинского в Омске говорят о том, что он готовил мятеж и массовый побег поляков, намеревался втянуть в это русских солдат. К лету 1833 г. минимальный вариант плана заговорщиков был накануне приведения в исполнение. Но последовала серия доносов, начались аресты» [9]. Об этом же писал З. Либрович [10]. 12 июня был арестован Я. Сероцинский. При обыске у него были обнаружены медный слиток для печати, пилка, транспарант для тайной переписки, 3 сургучных печати с конвертами разных присутственных лиц Сибири, дневник и 5 писем польского ссыльного Ксаверия Шокальского, находившегося в Тобольске, в котором шла речь о каком-то подозрительном предприятии... В связи с этим были

произведены новые обыски в Омске, Тобольске и других местах Сибири [11]. В Тобольске 27 и 28 июня были арестованы К. Шокальский и В. Дружиловский, связанные с Сероцинским, в Семипалатинске Ф. Ордынский был переведен в Отдельный Кавказский корпус под строгий надзор по Высочайшей конфирмации 31.12.1836 г. Аресты производились в конце 1834 г. и в начале 1835 г. Было арестовано более 100 человек. Две следственные комиссии не приняли никакого решения. Третья комиссия была прислана из Петербурга и довела следствие до конца. Сероцинский в ожидании суда не пал духом, ничего не поведал, в тюрьме писал стихи, проникнутые горячим патриотизмом и ненавистью к самодержавию [12]. Но следует отметить, что он не переносил эту ненависть на русский народ и ориентировал поляков на совместные действия против самодержавия.

Сероцинский был осужден омским военным судом при 23-й пехотной дивизии к наказанию шпицрутенами через одну тысячу солдат по 6 раз. Ожидалось окончательное решение вопроса в Петербурге. В итоге Николай I подписал приговор, предусматривающий смертную казнь через расстрел (Сероцинский был отнесен по степени вины к первой категории) заменить на 6 тысяч палок (прогнать через одну тысячу солдат) [13]. Сероцинский наказания не выдержал и скончался в госпитале. Таким образом, ссыльный ксендз Я. Сероцинский, несмотря на неудачу «омского дела», внес свой вклад в борьбу за освобождение. Не случайно, по словам Б. Пилсудского, «жители Омска долгое время чтили память замученного, зажигая каждую субботу лампаду над могилой "святого мученика поляка", как они его называли» [14].

В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. была продолжена ссылка в Западную Сибирь неблагополучных в политическом отношении римско-католических священников. 18 ноября 1839 г. из Министерства внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий сообщалось генерал-губернатору Западной Сибири, что «по следованию, произведенному в Киевской губернии, оказались виновными в преступных речах, в хранении у себя возмутительного содержания бумаг и в непозволительной переписке римско-католические ксендзы Анкудович, Шишко и Михайлович, сосланные уже за преступные действия на покаяние в Брусиловский монастырь... Его Величество повелевает ксендзов Анкудовича, Торчановского, Михайловича, Шишко ... отправить в сибирские уездные города под строгий надзор полиции» [15]. Согласно предписанию генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1839 г. Торчановский был отправлен в Барнаул, Анкудович – в Кузнецк, Шишко – в Бийск, Михайлович – в Колывань «под строжайший полицейский надзор» [16].

Среди них следует особо выделить Антония Анкудовича (1800 (1802)–1862), шляхтича Витебской губернии, окончившего Виленский университет со степенью магистра теологии. За хранение бумаг и недозволенной корреспонденции Анкудович был выслан в 1837 г. в Брусиловский монастырь капуцинов. Однако в результате доносов брата Б. Вроблевского в сентябре 1839 г. о ведении Анкудовичем в монастыре непозволительных разговоров и 14 октября 1839 г. с предупреждением о якобы готовящемся покушении на Нико-

лая I, в котором были замешаны Анкудович и Шишко, а также за хранение бумаг и корреспонденции возмутительного содержания Анкудович был сослан в Кузнецк под строгий надзор полиции, куда поступил 9 января 1840 г. [17].

В августе 1840 г. генерал-губернатору Западной Сибири доносилось, что находившийся в Кузнецке ксендз Анкудович представил прошение «о дозволении ему заниматься какой-либо службой для снискания себе пропитания» [18]. Из Министерства внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий в январе 1843 г. сообщалось также генерал-губернатору Западной Сибири, что Анкудовичу была «отправлена посылка с церковными вещами из г. Полоцка от декана ксендза Вержковского без ведома надлежащего начальства и потому возвращена назад в г. Полоцк» [19]. В 1850 г. Анкудович получил разрешение на поселение в Томске под надзором полиции, с 9 октября был там викарием. 14 августа 1852 г. переведен в Тобольск как курат с правом отправления богослужений и произнесения проповедей, где находился до 13 июля 1858 г. С 1855 г. он ежегодно получал пособие 114 руб. 28 ½ коп. По Высочайшему манифесту 18 августа 1858 г. ему был разрешен выезд в Витебскую губернию под надзор полиции [20].

Необходимо отметить ксендза Павла Шишко (1798 (1799)–1855 (1857)) – шляхтича из Кнышины под Белостоком, викарного ксендза и главу церковного прихода Сидра Белостокской области. Он был арестован в 1833 г. за контакт с М. Шиманским, заключен в Гродно по решению Виленского генерал-губернатора Н. Долгорукова от 24.11./6.12, утвержденному 14.01.1834 г. Николаем I, выслан в Брусиловский монастырь капуцинов Киевской губернии. Там Шишко находился вместе с ксендзом А. Анкудовичем, обвиненном «в преступных речах, хранении бумаг, а также ведении недозволительной переписки». В 1839 г. Шишко был выслан в Томскую губернию под надзор полиции, 10.01.1840 г. прибыл в Бийск, где в 1847 г. основал первую частную школу. Известно, что он получал денежное пособие сначала 57 руб. 14 ¼ коп. в год, затем 114 руб. 28 ½ коп. (1855). В полицейских донесениях отмечалось, что Шишко «занимается чтением книг, поведение полностью безупречно». В июле 1856 г. он подал прошение о возвращении на родину. 26 августа III Отделение удовлетворило просьбу при условии, если это не встретит возражения со стороны генерал-губернатора Западного края [21].

К сожалению, сведения об остальных ссыльных католических священниках этого периода крайне скудны и отрывочны. Известно, что 25 апреля 1843 г. скончался от чахотки в Барнаульском заводском госпитале находившийся под надзором полиции Михаил Торчановский [22]. Практически отсутствуют сведения о Михайловиче, который с 1840 г. проживал в Колывани [23]. Возможно, дальнейшие исследования прольют свет на обстоятельства жизни в Сибири этих людей.

В 1852 г. в Таре находился ксендз Феликс Трощинский, «сказавшийся виновным ... в знании о существовании открытого в Царстве Польском в 1848 г. тайного общества, имевшего целью восстановить независимость Польши посредством народного восстания и учредить демократическо-республиканское правление..., недонесении о том начальству, оказании сему

обществу некоторого содействия и сверх того подозреваемый в некоторых других преступлениях», сосланный в Тобольскую губернию на жительство под строгий полицейский надзор [24].

Известно, что Трощинский ходатайствовал о переводе из Тары в Тобольск, «где имеется римско-католический костел, чтобы совершать там богослужение». Поскольку он был сослан без лишения священнического сана, наместник Царства Польского сообщал в Управление Западной Сибири, что не встречает «препятствия в удовлетворении его просьбы с тем, однако, чтобы для предупреждения вредного влияния его на своих единоверцев, ему не было предоставляемо право не исповедовать, не произносить проповеди» [25].

Несколько необычна причина ссылки монаха Паулинского монастыря в Ченстохове Варшавской губернии Якова Петровского. Как известно, в 1848 г. в Познани прусскими войсками было подавлено восстание поляков, имеющее цель освобождения от власти Пруссии. Петровский был признан «виновным в побеге в 1848 г. в княжество Познанское..., в участии с бунтовщиками в сражении прусских войск», а также в том, что «в мае 1853 г. по возвращении из-за границы скрывал настоящее свое звание и именовался другим прозванием» и сослан в 1854 г. в Тобольскую губернию на житье без лишения духовного сана с учреждением за ним полицейского надзора [26].

Таким образом, католические священники, находясь в ссылке в рассматриваемый период, сохранили приверженность своему исповеданию, по мере возможности занимались просветительской деятельностью среди населения. По словам Б. Пилсудского, «если им это было позволено, они исполняли свои обязанности с достоинством и подлинной священнической самоотверженностью. Но, даже будучи лишенными прав, среди верующих товарищессылных они были признаны духовными руководителями, которые несли невыразимое облегчение своей добродетелью и моральной деятельностью» [27].

В то же время следует отметить, что государственная власть проявляла достаточно лояльное отношение к исполнению ими культовых обязанностей (Анкудович), тем самым выражая широкую веротерпимость.

Вместе с тем отдельные представители духовенства продолжили борьбу против самодержавия в условиях ссылки (Сероцинский), сплачивая вокруг себя все оппозиционные силы, что, несомненно, свидетельствует о стойкости их убеждений. Конечно же, последующие исследования существенно дополнят имеющиеся сведения по истории сибирской политической ссылки данного периода.

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 17 953. Л. 6, 6 об., 10–11.

2. Там же. Л. 12–13.

3. Там же. Л. 14–17.

4. Там же. Д. 17937. Л. 2, 2 об.

5. *Дмитриев-Мамонов А. И.* Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905. С. 136; *Максимов С.* Сибирь и каторга. Ч. 3.

1. The Omsk Region State Archive (ORSA) F.3. Inv. 13, Doc. 17953. P. 6, 6 rev., 10–11.

2. Ibid., P. 12–13.

3. Ibid., P. 14–17.

4. Ibid., Doc. 17937. P. 2, 2 rev.

5. *Dmitriyev-Mamontov A. I.* The Decembrists in Western Siberia. SPb., 1905. P. 136; *Maksimov S.* Siberia and the servitude. Part 3. Politicals and state crimes. SPb., 1831.

- Политические и государственные преступления. СПб., 1831. С. 63–66; *Нагаев А. С.* «Омское дело» (1832–1833 гг.) // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.). Вып. 1. Красноярск, 1976. С. 3–40; *Он же.* «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск, 1991. 208 с.; *Lukawski Z.* Historia Syberii. Wrocław, 1981. S. 189–190; *Librowicz Z.* Polacy w Syberji. Kraków, 1884. S. 121, 122, 326–330; *Janik M.* Dzieje polaków na Syberji. Kraków, 1928. S. 150–157; *Sliwowska W.* Zeslancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998. S. 548–549 i in.
6. *Пилсудский Б.* Поляки в Западной Сибири // Сибири в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 24.
7. *Герцен А. И.* Рупим Пиотровский // Собр. соч. : в 30 т. Т. 16. М., 1959. С. 110; *Нагаев А. С.* «Омское дело» 1832–1833 гг. ... С. 42, 74, 76, 77, 83; *Ендрыховская Б., Сливовская В.* Просветительско-культурная деятельность польских ссыльных в Сибири в XIX в. // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 111; *Sliwowska W.* Zeslancy ... S. 548–549.
8. *Герцен А. И.* Указ. соч. С. 110–111.
9. *Нагаев А. С.* Указ. соч. С. 84, 131.
10. *Librowicz Z.* Polacy w Syberji ... S. 327, 328.
11. *Нагаев А. С.* Указ. соч. С. 34; Письма К. Шокальского Я. Сероцинскому опубликованы в "Spoleczenstwo polskie i proby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku". Wrocław, 1984. S. 561–567.
12. *Максимов С.* Указ. соч. С. 65; *Нагаев А. С.* «Омское дело» (1832–1833 гг.) ... С. 23–24.
13. *Sliwowska W.* Zeslancy ... S. 549.
14. *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири ... С. 25.
15. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18 084. Л. 1-а, 1 об.
16. Там же. Л. 10, 10 об.
17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. Л. 12 об.; *Sliwowska W.* Zeslancy ... S. 40.
18. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. Л. 23.
19. Там же. Л. 33.
20. *P. 63–66; Nagayev A. S.* "The Omsk case" (1832–1833-s) // Issues of Historiography and sociopolitical development of Siberia (XIX–XX centuries). N 1. Krasnoyarsk, 1976. P. 3–40; *Ibid.* "The Omsk case" 1832–1833-s. Krasnoyarsk, 1991. 208 p.; *Lukawski Z.* Historia Syberii. Wrocław, 1981. S. 189–190; *Librowicz Z.* Polacy w Syberji. Kraków, 1884. S. 121, 122, 326–330; *Janik M.* Dzieje polaków na Syberji. Kraków, 1928. S. 150–157; *Sliwowska W.* Zeslancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998. P. 548–549 i in.
6. *Pilsudskiy B.* The Polish in Western Siberia // Siberia in the history and culture of the Polish nation. М., 2002. P. 24.
7. *Gertsen A. I.* Rупhim Piotrovskiy // Collected works : in 30 vol. : Vol. 16. М., 1959. P. 110; *Nagayev A. S.* "The Omsk case" 1832–1833-s ... P. 42, 74, 76, 77, 83; *Endrihovskaya B., Sliwovskaya V.* Educational-cultural activity of Polish exiles in Siberia in XIX century // Cultural contacts between Russia and Poland in XI–XX centuries. М., 1998. P. 111; *Sliwowska W.* Zeslancy ... P. 548–549.
8. *Gertsen A. I.* *Ibid.*, P. 110–111.
9. *Nagayev A. S.* *Ibid.*, P. 84, 131.
10. *Librowicz Z.* Polacy w Syberji ... P. 327, 328.
11. *Nagayev A. S.* *Ibid.*, P.34; Letters of K. Shokalskiy to Ya. Serotsinskiy, ed. in "Spoleczenstwo polskie i proby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku". Wrocław, 1984. P. 561–567.
12. *Maksimov S.* *Ibid.*, P. 65; *Nagayev A. S.* "The Omsk case" (1832–1833-s)... P. 23–24.
13. *Sliwowska W.* Zeslancy ... P. 549.
14. *Pilsudskiy B.* The Polish in the Western Siberia ... P. 25.
15. ORSA. F. 3. Inv. 13, Doc. 18084. P.1, 1-a rev.
16. *Ibid.*, P. 10, 10 rev.
17. The Tomsk Region State Archive (TRSA) F.3. Inv. 4, Doc. 105. P. 12 rev.; *Sliwowska W.* Zeslancy ... S. 40.
18. ORSA. F. 3. Inv. 13, Doc. 18 084. P. 23.
19. *Ibid.*, P. 33.
20. *Sliwowska W.* Zeslancy ... P. 40.
21. *Sliwowska W.* Zeslancy ... P. 608–

20. *Sliwowska W.* Zeslancy ... S. 40. 609; *Isupov S.* Biysk: fortress, stronghold, city. Biysk, 1999. P. 149.
21. *Sliwowska W.* Zeslancy ... S. 608–609; *Исупов С.* Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999. С. 149.
22. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. Л. 37; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. Л. 11 об.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. Л. 13 об.
24. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 8. Л. 1, 1 об.
25. Там же. Л. 1 об.
26. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 17. Л. 1, 1 об.
27. *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири ... С. 24.
22. ORSA. F. 3. Inv. 13, Doc. 18084. P. 37; TRSA. F. 3. Inv. 4, Doc. 105. P. 11 rev.
23. TRSA. F. 3. Inv. 4, Doc. 105. P. 13 rev.
24. The Russian State Historical Archive (RSHA). F. 821. Inv. 3, Doc. 8. P. 1, 1 rev.
25. Ibid., P. 1 rev.
26. RSHA. F. 821. Inv. 3, Doc. 17. P. 1, 1 rev.
27. *Pilsudskiy B.* The Polish in the Western Siberia ... P. 25.

On the Issue of Residence of Political Exiled Representatives of Catholic clergy in Western Siberia (30–50-s of XIX century)

I. N. Nikulina

The Altay State Technical University of I. I. Polzunova, Barnaul

The article considers some questions of political exiled representatives of Catholic clergy in Western Siberia who had managed to keep adherence to the confession, were engaged in the educational activity, some proceeded to struggle against the autocracy.

Key words: Western Siberia, political exiled, clergy, Catholic.

Никulina Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и культурологии, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, e-mail: innikulina@mail.ru

Nikulina Irina Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Chair of Advertising and Cultural Science, the Altay State Technical University of I. I. Polzunova, e-mail: innikulina@mail.ru